

Особенности динамики социально-политической дестабилизации монархий БВСА до и после «арабской весны»

© Хохлова А.А.^а, 2022

^а НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0071-0171
khokhlova.alina@gmail.com

Резюме. «Арабская весна» оказала значительный дестабилизационный эффект на ряд государств Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Несмотря на широкую региональную турбулентность и даже революции в ряде республик региона, все арабские монархии сумели выстоять в период региональной дестабилизации. В то время как большинство исследований посвящены факторам стабильности монархий, данная работа стремится восполнить существующий пробел в области анализа динамики уровней дестабилизации монархий и республик БВСА до и после 2011 г., а также выделить основные виды дестабилизационной активности, характерные для монархических государств региона после «арабской весны».

На основе баз данных *CNTS*, *Global Terrorism* и *Mass Mobilization in Autocracies* в статье представлен статистический анализ уровней социально-политической дестабилизации монархий и республик БВСА в сравнении до и после событий «арабской весны», который демонстрирует, что монархии региона в целом более стабильны, чем республики на протяжении всего периода с их формальной независимости. Отмечается, что наивысший уровень турбулентности в монархиях после 2011 г. фиксируются в странах с острыми суннитско-шиитскими противоречиями (Бахрейн и Саудовская Аравия). Широкая массовая социально-политическая дестабилизация, преимущественно не кровавого характера, наблюдается в наиболее либеральных монархиях БВСА (Иордании, Кувейте и Марокко). Катар, ОАЭ и Оман в наименьшей степени оказались затронуты региональной турбулентностью.

Ключевые слова: БВСА, ближневосточные монархии; политическая дестабилизация; «арабская весна»; сравнительный анализ

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-311-90004).

Для цитирования: Хохлова А.А. Особенности динамики социально-политической дестабилизации монархий БВСА до и после «арабской весны». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 3. С. 50-58. DOI: 10.31857/S032150750019243-9

Socio-political destabilization dynamics features in MENA monarchies before and after the Arab spring

© Alina A. Khokhlova^a, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0071-0171
khokhlova.alina@gmail.com

Abstract. “Arab Spring” had a large effect on the political stability of Arab republics and led to regimes overthrow in Tunisia, Egypt, Libya and Yemen. However, Middle East and North Africa (MENA) monarchical regimes managed to survive the period of severe turbulence. Much has been written on the problems of the “Arab Spring” effect on the trajectory of socio-political and economic development of the Arab countries since 2011, although nothing has been said on the dynamics of political destabilization of Arab monarchies as a whole and in comparison with MENA republics as well as about the features of that dynamics. So, this paper aims to fulfill this gap.

Using descriptive statistics as a pilot method and *CNTS*, *Global Terrorism* and *Mass Mobilization in Autocracies* databases we show that the monarchies are in general more stable than non-monarchies of MENA since their independence.

The paper also demonstrates that those MENA monarchies which suffer from internal Sunni-Shia conflicts, Bahrain and Saudi Arabia, possess the highest mean destabilization level among all MENA monarchies because of its “bloody” character. The most liberal parliamentary Arab monarchies like Kuwait, Jordan and Morocco have a relatively high destabilization dynamics, but they are predominantly of a mass mobilization type. Other monarchies, Oman, UAE and Qatar, demonstrate the lowest destabilization levels during the period after the “Arab Spring”.

Keywords: MENA monarchies, political destabilization; “Arab Spring”; comparative analysis.

Acknowledgments: This article is an output of a research project implemented with support by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 20-311-90004).

For citation: Alina A. Khokhlova Socio-political destabilization dynamics features in MENA monarchies before and after the Arab spring. *Asia and Africa today*. 2022. № 3. Pp. 50-58. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750019243-9

ВВЕДЕНИЕ

«Арабская весна» оказала значительный дестабилизирующий эффект на ряд республик Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Несмотря на широкую региональную турбулентность все арабские монархии сумели выстоять во время революций в соседних государствах, что привело к более пристальному изучению факторов политической стабильности монархий [1; 2; 3] и особенностей развития дестабилизационных процессов в каждой отдельной монархии региона [4], а также международных процессов, порожденных этой дестабилизацией [18]. Эти исследования дают глубинное понимание происходящих дестабилизационных событий в каждой отдельной монархии Арабского Востока или характеров конфликтов между ними после 2011 г., но не формируют общую картину о динамике турбулентности, характерной для ближневосточных монархий после «арабской весны», а также ее особенностях.

Данная работа стремится восполнить этот пробел: описать и проанализировать динамику уровней социально-политической дестабилизации стран БВСА, в частности - особенности динамики турбулентности монархий БВСА по сравнению с республиками, а также виды дестабилизации, характерные для монархических стран региона.

ДИНАМИКА СРЕДНЕГО УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЙ

Для подсчета среднего уровня социально-политической нестабильности ближневосточных стран были задействованы базы данных *CNTS* (1950-2018) [5], *Global Terrorism* (2010-2018) [6] и *Mass Mobilization in Autocracies* (2010-2015) [7; 17].

К странам БВСА в этой работе относятся: Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Иран, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Марокко, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Тунис, Турция. К монархиям БВСА относятся Бахрейн (с 1971 г.), Иордания, Катар (с 1971 г.), Кувейт (с 1961 г.), Марокко (с 1956 г.), Оман, ОАЭ (с 1971 г.), Саудовская Аравия, а также Египет (1950-1953 г.), Ирак (1950-1958 г.), Иран (1950-1979 г.), Йемен (1950-1962 г.), Ливия (1950-1969 г.).

Вниманию предлагается описательная статистика в виде графика динамики среднего уровня интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для ближневосточных монархий и республик (см. *граф. 1*).

График 1. Средний уровень интегрального индекса социально-политической дестабилизации в странах БВСА, 1950-2018 гг.

Graph 1. Mean level of the integrated index of socio-political destabilization in MENA states, 1950-2018.

Составлено по: [5].

Из *граф. 1* становится очевидно, что те дестабилизационные события, которые начались в 2011 г. в арабских странах, являются беспрецедентными по своим масштабам для региона. Рост уровня нестабильности наблюдается как в монархиях, так и в республиках, при этом, если средний уровень социально-поли-

тической дестабилизации для монархий в 4 раза меньше, чем для республик в 2011 г. (8175 для республик и 2210 - для монархий), то в 2014 г. средний уровень социально-политической дестабилизации для монархий в 50 раз меньше, чем в республиках БВСА (54418 для республик и 1843 - для монархий).

Минимальное значение среднего уровня интегрального индекса социально-политической дестабилизации для арабских республик на всем периоде составляет 78 (и приходится на 1959 г.), при этом следующим показателем по возрастанию идет 500 (2000-2001 гг.). В отличие от республик, для монархий БВСА наблюдаются 8 лет политической стабильности на рассматриваемом периоде (см. *граф. 1*), а именно в 1983 г., 1992-1993 гг., 1997-2000 гг. и 2004 г., что особо хорошо просматривается при использовании логарифмической шкалы (см. *граф. 2*).

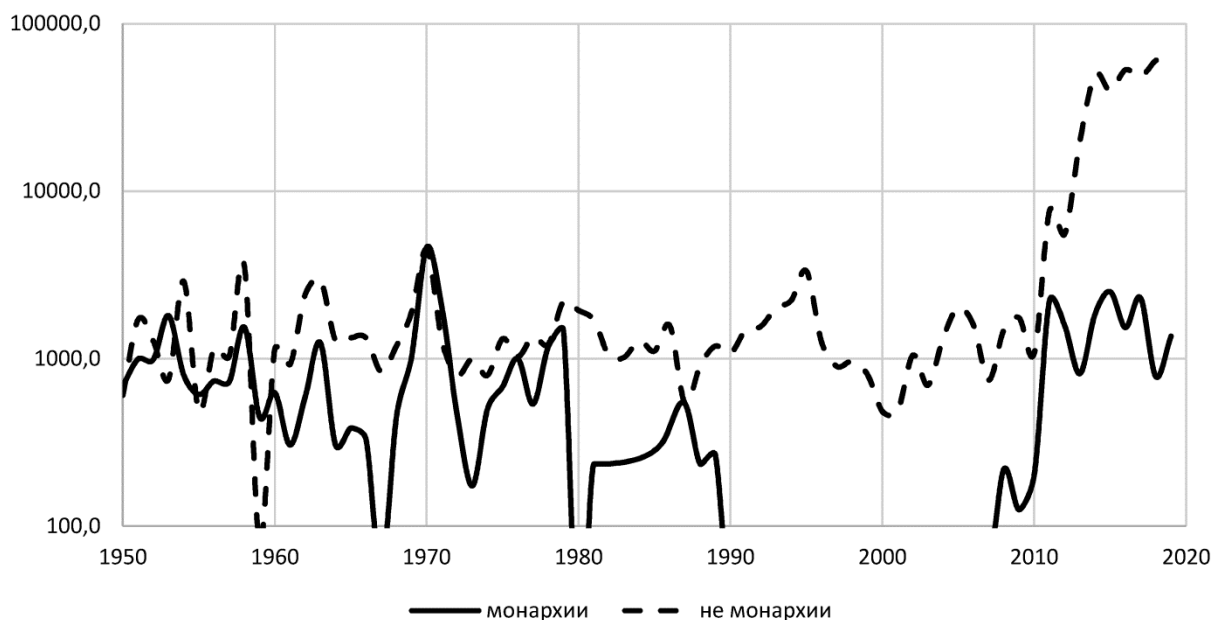

График 2. Средний уровень интегрального индекса социально-политической дестабилизации стран БВСА, 1950-2018 гг.

Graph 2. Mean level of integrated index of socio-political destabilization in MENA states, 1950-2018.

Составлено по: [5].

Динамика среднего уровня интегрального индекса социально-политической дестабилизации по логарифмической шкале демонстрирует, что для периода 1979-2010 гг., т.е. после исламской революции в Иране, приведшей к смене формы правления в этой стране, и до начала «арабской весны» для ближневосточных монархий характерен пониженный средний уровень социально-политической дестабилизации, далеко не превышающий логарифмический показатель 1000 по оси ординат. Для немонархических стран на протяжении всего периода, наоборот, средний уровень социально-политической дестабилизации либо близок к 1000, либо превышает этот показатель.

Максимальное значение среднего уровня интегрального индекса социально-политической дестабилизации в республиках ожидаемо достигается во время «арабской весны», а именно - в заключительной точке рассматриваемого периода в 2018 г. (см. *граф. 1*).

Ливия, Иран, Египет, Сирия и Ирак имеют наивысшие уровни интегрального индекса социально-политической дестабилизации (показатели уровня нестабильности для этих стран в разные годы после «арабской весны» входят в первые 30 по среднему уровню социально-политической дестабилизации для ближневосточных республик из 648 наблюдений на рассматриваемом периоде). Следует отметить, что для монархий события 2011 г. и последующих годов не являются пиками дестабилизации на рассматриваемом периоде из-за событий «Черного сентября» 1970 г. в Иордании, когда во время кризиса в рамках арабо-израильского конфликта и решения палестинского вопроса разгорелось военное противостояние армии иорданского короля Хусейна и палестинцев-беженцев, находившихся на территории Иордании.

Рассматривая *граф. 2*, можно заметить следующую особенность динамики турбулентности в ближневосточных странах: «арабская весна» оказала больший эффект на ближневосточные монархии, нежели республики: уровень турбулентности в республиках взлетел с показателя 1125 в 2010 г. до 8165 - в 2011 г., т.е.

в 7,25 раза; уровень дестабилизации в монархиях БВСА вырос с 203 в 2010 г. до 2211 - в 2011 г., или практически в 11 раз¹ (см. *граф. 1*).

Также, исходя из *граф. 1*, можно отметить, что «арабская весна» привела к росту дестабилизации в арабских республиках практически на порядок в 2010-2011 гг.: средний уровень интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* до 2011 г. не превышал 1700, после «арабской весны» он не опускался ниже 6000. Для ближневосточных республик характерен Г-образный рост: средний уровень дестабилизации непрерывно рос в 2012-2014 гг., утраиваясь к 2013 г. и удваиваясь к 2014 г., затем темпы роста замедлились, график динамики стал волнообразным.

Что касается волнообразной дестабилизационной динамики в арабских монархиях после «арабской весны», наблюдаемой на *граф. 1*, отметим, что феномен 2011 г. спровоцировал три волны дестабилизационных пиков до 2018 г.: пики приходятся на 2011, 2015 и 2017 гг.

В общем итоге, основываясь на графиках дестабилизационной динамики арабских стран на периоде 1950-2018 гг., можно сделать следующие выводы: монархии БВСА, в целом, более политически стабильны, чем республики. Режимы монархий в 2011 г. смогли противостоять турбулентности, когда арабские республики пережили падение «пожизненных арабских президентов» [8].

Также стоит отметить, что динамика среднего уровня дестабилизации для республик после 2011 г. имеет Г-образный вид, когда график для монархий - волнообразный. Но каковы особенности динамики дестабилизации арабских монархий после 2011 г.?

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ МОНАРХИЙ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Для ответа на вопрос, каковы особенности динамики дестабилизации арабских монархий после 2011 г., предлагается «вскрыть» дестабилизационные пики монархий на периоде 2011-2018 гг. Рассмотрим уровни социально-политической дестабилизации каждой из арабских монархий на момент зафиксированных «дестабилизационных пиков» 2011, 2015 и 2017 гг.

2011 год

Из 8 ближневосточных монархий 6 были ощутимо затронуты дестабилизацией 2011 года - это Бахрейн, Иордания, Кувейт, Саудовская Аравия, Оман и Марокко. Основу дестабилизационного эффекта для среднего уровня социально-политической дестабилизации арабских монархий дала дестабилизация в Бахрейне (8,74)². Быстро развивавшиеся с февраля протестные события в стране, где элиту общества составляют сунниты, а основное население - шииты, вынудили местную династию ввести военное положение на второй день протестов.

Считается, что восстания преимущественно возглавлялись шиитским населением при поддержке Ирана, следовательно, существовала угроза шиитских восстаний в других суннитских монархиях. Саудовская Аравия, в которой проживает около 2 млн шиитов и которая заинтересована в экономической и политической стабильности Бахрейна, вместе с ОАЭ направила 1600 военизированных формирований и более 20 танков для подавления повстанцев в Бахрейне уже через месяц после начала протестов 14 марта [9]. Наивысший уровень дестабилизации для Бахрейна на 2011 г. среди арабских монархий обеспечивался тем фактором, что, помимо массовых антиправительственных демонстраций и политических беспорядков, лишь для этой страны в 2011 г. в *CNTS* фиксируется использование политических репрессий со стороны режима, что является видом насильственной дестабилизации.

В более серьезных масштабах ненасильственный вид социально-политической дестабилизации наблюдался в Иордании (7,94). Помимо политических беспорядков и антиправительственных демонстраций в 2011 г. здесь отмечался правительственный кризис [10]. Серьезный уровень антиправительственных демонстраций, приведший к попытке государственного переворота (отставке премьер-министра в ноябре 2011 г.), наблюдался в Кувейте (7,77). По некоторым оценкам, этот уровень нестабильности стал наивысшим с периода Иракской войны (1991 г.), при этом сама попытка переворота не носила насильственного характера [10].

В Омане (6,97) и Саудовской Аравии (7,47)³ в 2011 г. наблюдались антиправительственные демонстрации и политические беспорядки, при этом, по некоторым данным, сила антиправительственных протестов

¹ Данный факт является предметом изучения отдельной работы (*прим. авт.*).

² Используется логарифм агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для страны X на год Y, в данном случае – логарифм агрегированного индекса социально-политической дестабилизации для Бахрейна на 2011 г. (*прим. авт.*).

³ Для Марокко логарифм уровня дестабилизации на 2011 г., по данным *CNTS*, составляет 6,62.

в Омане была сравнима с той, что проходила в Бахрейне [11]. ОАЭ и Катар сумели избежать какой-либо серьезной политической турбулентности⁴.

2015 год

В 2015 г. самой нестабильной из арабских монархий была Саудовская Аравия (9,5), где уровень дестабилизации наблюдается выше, чем в Бахрейне (8,7) в 2011 г. В 2015 г. уровень дестабилизации в Бахрейне был несколько ниже (8,4), чем в 2011 г. (8,7), при этом страна с суннитским меньшинством во главе продолжала оставаться одной из самых политически нестабильных монархий БВСА.

В базе данных *CNTS* высокий уровень нестабильности в Саудовской Аравии в 2015 г. объясняется серией террористических атак на шиитские мечети и государственных служащих королевства. В течение года Бахрейн продолжал подвергаться периодическим бомбовым атакам со стороны шиитских боевиков, при этом их мишенью были представители сил безопасности. Отмечается, что в предыдущие годы в атаках, в основном, использовались самодельные устройства, но в 2015 г. боевики начали использовать взрывчатые вещества военного назначения [9]. Террористические атаки в стране сопровождались антиправительственными демонстрациями и массовыми беспорядками, что вынуждало элиты прибегнуть к репрессиям.

Следом, в порядке убывания среднего уровня дестабилизации, идут парламентские монархии Кувейт (7,4) и Марокко (6,6), где наблюдались массовые антиправительственные демонстрации, при этом в первом случае дестабилизация была усилена политическими беспорядками и политическим убийством, произошедшим в тюрьме [12].

В 2015 г. сразу в четырех монархиях БВСА наблюдался минимальный уровень дестабилизации - это ОАЭ, Катар, Оман и Иордания, для всех характерен минимальный уровень нестабильности (-6,9).

Таким образом, на основе анализа дестабилизационных пиков арабских монархий 2011 и 2015 гг. становится очевидно, что монархии БВСА по уровню дестабилизации делятся на два лагеря. Наивысший уровень дестабилизации наблюдался в подверженных острым конфессиональным противоречиям странах - в Бахрейне и Саудовской Аравии. Высокий уровень нестабильности оказался также характерен для Марокко и Кувейта, которые объединяются в группу наиболее либеральных монархий БВСА [13].

2017 год

Серьезную политическую турбулентность в 2017 г. пережили Саудовская Аравия (9,4) и Бахрейн (8,73). Обе страны продолжали оставаться главными жертвами террористических атак среди монархий БВСА, нападения приходились, в основном, на госпредставителей. В странах наблюдались политические беспорядки и массовые антиправительственные протесты. База данных *CNTS* фиксирует репрессии со стороны режима Саудовской Аравии в 2017 г., чем, скорее всего, отмечается «ноябрьская антикоррупционная кампания» наследного принца Мухаммада бин Салмана против других принцев и высокопоставленных чиновников [14].

Серьезная политическая дестабилизация имела место в Марокко (8,1), где, помимо антиправительственных демонстраций, отмечались политические забастовки и беспорядки, которые являются видами «не кровавой» дестабилизации. Турбулентность в стране достигла пика за 2011-2018 гг. после смерти марокканского предпринимателя М.Фикри в 2016 г., происходившего из политически и экономически маргинализированного региона Риф после конфискации полицией его рабочего имущества и запрета на экономическую деятельность, что привело к его случайной смерти. Этот инцидент напомнил марокканцам о смерти тунисского продавца фруктов М.Буазизи в январе 2011 г. после его акта саможжения на площади Туниса в декабре 2010 г., что спровоцировало массовое по масштабу недовольство, которое привело к бегству президента бен Али, привело к революции в стране в 2011 г., а затем спровоцировало нестабильность в других странах БВСА [15].

В 2017 г. примерно одинаковые по уровню политические дестабилизационные события произошли в Иордании и Катаре (4,8), где база данных зафиксировала некоторые антиправительственные демонстрации⁵. Иорданские протесты стали следствием повышения налогов на базовые продукты пользования (телефонная связь, бензин). Протестующие требовали отставки премьер-министра вместе с «правительством налогов» [16]. В ОАЭ, Омане и Кувейте в 2017 г. наблюдался минимальный уровень социально-политической дестабилизации (-6,91).

В итоге, во-первых, анализ дестабилизационного пика 2017 г. в арабских монархиях подтверждает выводы, сделанные на основе анализа пиков 2011 и 2015 гг.: самыми социально-политически нестабильными монархиями БВСА оказываются страны с внутренними конфессиональными вызовами - это Бахрейн и

⁴ Для ОАЭ и Катара показатель уровня социально-политической дестабилизации в логарифме на 2011 г. соответствует значению -6,9, что по исходным данным означает ноль.

⁵ Возможно, демонстрации в Катаре носят проправительственный характер, т.к. в новостных источниках протестная активность не зафиксирована (прим. авт.).

Саудовская Аравия. Во-вторых, в парламентских монархиях Иордании, Кувейте и Марокко, самых либеральных монархиях БВСА [13], наблюдались особо массовые и многочисленные, при этом в основном не насильственные формы дестабилизации на протяжении указанного периода. Уровень турбулентности в этих странах оказывался существенно ниже, чем в Бахрейне и Саудовской Аравии, но выше, чем в остальных монархиях региона, составляющих третью группу стран с минимальными уровнями нестабильности на указанном периоде - ОАЭ, Катар и Оман.

ПРОВЕРКА ВЫВОДОВ НА *GLOBAL TERRORISM DATABASE*

Для проверки упомянутых выводов рассмотрим динамику террористической активности в монархиях БВСА по базе *Global Terrorism* (см. *граф. 3*).

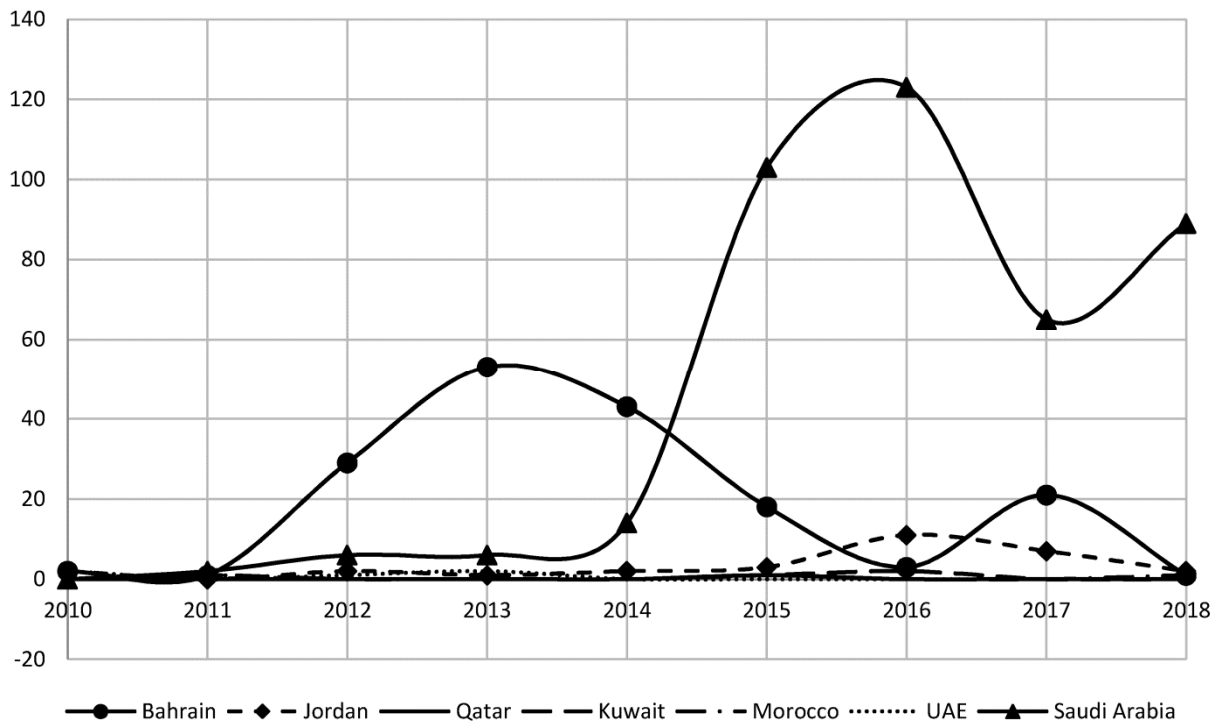

График 3. Динамика числа террористических атак (исходные данные) в арабских монархиях, 2010-2018 гг.
Graph 3. Dynamic of terrorist attacks number (initial data) in Arab monarchies, 2010-2018.

Составлено по: [6].

Динамика террористической нестабильности, составленная по альтернативному источнику и представленная на *граф. 3*, подтверждает, что Саудовская Аравия и Бахрейн оказываются самыми политически нестабильными странами среди всех монархий БВСА из-за повышенного уровня террористической активности в них после 2011 г.

Иордания становится третьей страной по уровню террористической активности среди монархий БВСА. *Global Terrorism Database* фиксирует для Иордании единичные случаи террористической активности в 2012-2015 гг., причем первый год «арабской весны» прошел для страны без террористических происшествий. Несколько взрывчатых устройств были обнаружены государственными служащими еще до введения их в действие (один из двух случаев 2012 г. и случай 2013 г.), в 2015 г. устройство не сработало при запуске. Наблюдались единичные атаки на полицейские участки в ноябре 2012 г. и феврале 2014 г. ИГИЛ взяло ответственность за атаку на полицейский тренировочный лагерь 11 сентября 2015 г., в результате чего 2 иорданских, 2 американских служащих, наемный служащий из ЮАР и сам нападавший были убиты, 7 других ранены. Атаки на учебные заведения были зафиксированы 21 сентября 2015 г., при которых, согласно данным СМИ, никто не пострадал, ответственность за нападения не взяла на себя ни одна террористическая группировка [6].

ИГИЛ признало свою ответственность за 4 из 11 террористических атак, фиксируемых базой в 2016 г. Все пришлось на полицейские участки и военные базы, 3 из них были совершены 18 декабря и повлекли за собой смерти и ранения более 45 человек, другая - на 21 июня, в результате которой погибли и пострадали более 20 человек. К действиям ИГИЛ также причисляется взрыв смертника 16 октября в Рукбане, когда погибли минимум 3 и более 20 человек получили ранения [6].

7 террористических атак, фиксируемых базой *Global Terrorism Database* в 2017 г., не имели отношения к деятельности ИГИЛ или любой другой экстремистской группировке, 3 из них были направлены на разгром участков для голосования во время муниципальных выборов 15 августа 2017 г., 2 другие атаки - на электростанции в дистрикте Маан. Ни одна из атак не привела к смертям или ранениям. В отличие от террористических операций 2017 г., 3 нападения 2018 г. в Иордании привели к смертям двух полицейских и бывшего главы антитеррористического подразделения.

Таким образом, можно отметить, что около трети из 28 случившихся в Иордании в 2011-2018 гг. террористических атак, указанных в базе *Global Terrorism Database*, имели цель лишь привлечь внимание к своему протесту, но не имели цель лишить кого-либо жизни, что характерно, например, для ИГИЛ. Более того, повышенный уровень нестабильности в Иордании, фиксируемый в 2016-2017 гг. на *граф. 3*, объяснялся деятельностью религиозных террористических организаций лишь на четверть.

Наиболее крупные террористические атаки, повлекшие за собой наибольшее количество смертей и ранений (суммарно около 100 человек), имели место в 2015-2016 гг. и были связаны с деятельностью ИГИЛ, они составляли лишь седьмую часть всех террористических атак, случившихся после начала «арабской весны» в стране.

В Саудовской Аравии количество фиксируемых актов исламистского террора превышало 400, а в Бахрейне их насчитывалось около 170 в 2011-2018 гг. В Саудовской Аравии террористические атаки ИГИЛ на шиитские мечети унесли только в мае 2015 г. жизни 30 человек, более 100 человек получили ранения. Число исламистских террористических атак для всех монархий БВСА, кроме Бахрейна и Саудовской Аравии, составляло 41, из которых 28 приходились на Иорданию, остальные 13 - на ОАЭ, Катар, Кувейт и Марокко, для Омана на периоде 2011-2018 гг. террористические атаки базой *Global Terrorism* не зафиксированы.

Проверка полученных результатов на данных *Global Terrorism* подтверждает наши выводы о том, что «арабская весна» оказала наибольший эффект на монархии с суннито-шиитскими противоречиями - на Бахрейн и Саудовскую Аравию.

ПРОВЕРКА РЕЗУЛЬТАТОВ НА MASS MOBILIZATION IN AUTOCRACIES (2010-2018)

Рассмотрим динамику числа массовых мобилизаций, фиксируемых в базе данных *Mass Mobilization in Autocracies* в 2011-2018 гг. (см. *граф. 4*)⁶.

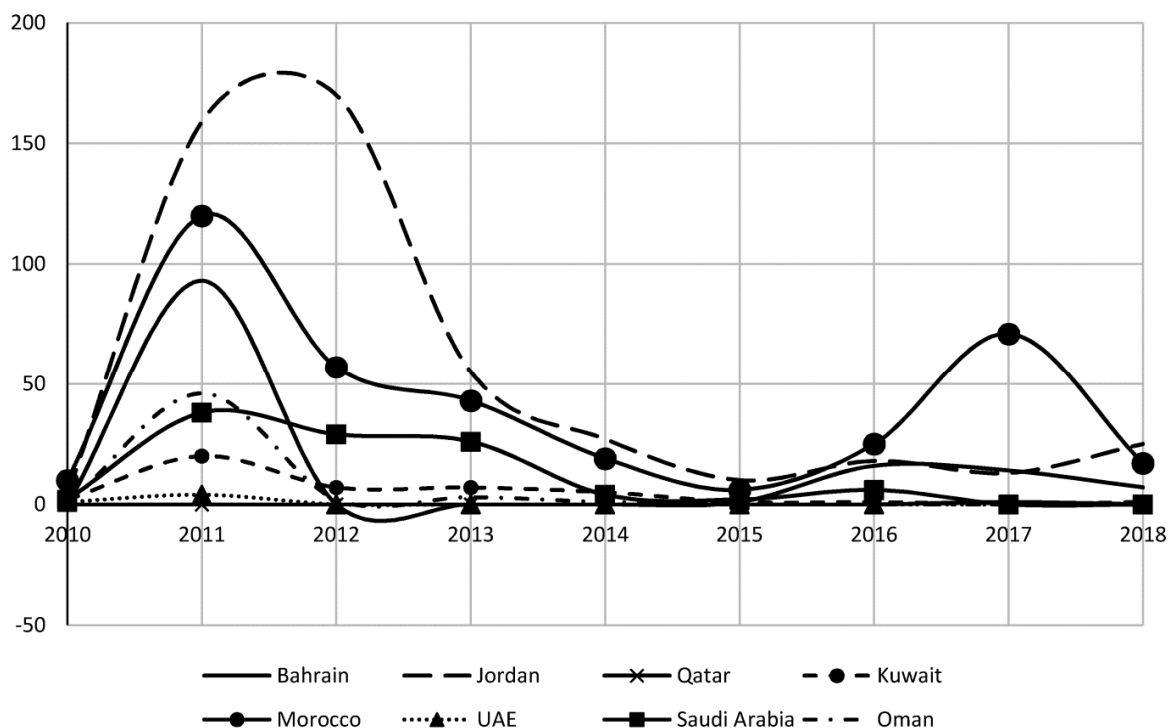

График 4. Динамика числа массовых мобилизаций (исходные данные) в монархиях БВСА, 2011-2018 гг.
Graph 4. Dynamics of mass mobilizations number (initial data) in monarchies of MENA, 2011-2018.

Составлено по: [7].

⁶ Информация была дополнена данными из Mass Mobilization Protest Data [19].

Из представленного *граф. 4* становится очевидным, что 2011-2012 гг. оказались самыми нестабильными с точки зрения числа массовых мобилизаций для монархий БВСА на всем рассматриваемом периоде 2011-2018 гг., лишь для Катара зафиксирована минимальная мобилизационная активность. В базе данных отмечен высокий уровень мобилизационной активности также для ОАЭ (92 мобилизационные активности), при этом она быстро сошла к минимуму уже к 2012 г. - от 20 в Кувейте до 120 - в Марокко, 160 восстаний в Иордании зафиксированы на 2011 г. После 2011 г. лишь тренд для Иордании демонстрировал небольшую эскалацию, но потом синхронизировался с трендами для других монархий, которые снижались к единичным восстаниям к 2015 г. После 2015 г. рост мобилизационной активности фиксируется для Марокко в 2017 г.⁷

В итоге, подтверждаются выводы, что, с точки зрения массовых мобилизаций, самыми социально-политически нестабильными монархиями БВСА после 2011 г. оказываются парламентские монархии Иордания, Кувейт и Марокко [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется важным еще раз подчеркнуть полученные нами основные результаты.

Проведенное исследование отчасти подтвердило тот факт, что монархии БВСА, в целом, более политически стабильны, чем республики БВСА. При этом, наивысшие уровни социально-политической турбулентности в монархиях БВСА после 2010 г. фиксировались в странах с суннитско-шиитскими конфессиональными противоречиями (КСА и Бахрейн). Широкая и массовая социально-политическая дестабилизация, но преимущественно не кровавого характера, фиксировалась в наиболее либеральных парламентских монархиях БВСА - в Кувейте, Иордании и Марокко. Также «арабская весна» не оказала значимого эффекта на уровень социально-политической нестабильности в Омане, ОАЭ и Катаре в 2011-2018 гг.

Стоит подчеркнуть, что эффект от «арабской весны» 2011 г. оказался сильнее для монархий БВСА, нежели для республик, однако этот факт представляет собой предмет изучения для отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bischof D., S. Fink. 2015. Repression as a Double-edged Sword: Resilient Monarchs, Repression and Revolution in the Arab World. *Swiss Political Science Review*. Vol. 21, № 3, pp. 377-395. DOI:10.1111/spsr.12169
2. Menaldo V. 2012. The Middle East and North Africa's resilient monarchs. *The Journal of Politics*. Vol. 74, № 3, pp. 707-722. DOI:10.1017/S0022381612000436
3. Moller F.S. 2019. Blue blood or true blood: Why are levels of intrastate armed conflict so low in Middle Eastern monarchies? *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 36, № 5, pp. 517-544. DOI: 10.1177/0738894217714716
4. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2013. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны*. Том 4, № 1. Москва. Ленанд. URSS.
Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. 2013. *System monitoring of global and regional risks*. Vol. 4. No.1. Moscow. (In Russ.)
5. Banks A.S., Wilson K. 2020. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem, Israel: Databanks International. <https://cnts.data.com/>. (accessed 12.11.2020)
6. START. 2020. Global Terrorism Database. <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed 21.10.2020)
7. Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M. 2020. V-Dem Dataset v9. Varieties of Democracy (V-Dem) Project. <https://doi.org/10.23696/vdemcy19> (accessed 12.01.2021)
8. Owen R. 2013. The Political Economy of Arab Presidents For Life - And After. *Middle East Development Journal*. Vol. 5, № 1, pp. 1-13. DOI:10.1142/S1793812013500016
9. Country Reports on Terrorism 2015 - Bahrain. 2016 (accessed 18.11.2020)
10. Susser A. 2011. *Jordan 2011: Uneasy lies the head*. <https://israeled.org/wp-content/uploads/2019/10/16-Susser-Asher-2011-Uneasy-Lies-the-Head.pdf> (accessed 12.12.2020)
11. Al-Balushi M.Y. 2016. The impact of Oman-Iran relations on the security of the GCC countries after the Arab spring. *Al-Mostaqbal Al Arabi Journal*. Vol. 445, pp. 50-67. DOI: 10.1080/17550912.2016.1199461
12. Country Reports on Human Rights Practices for 2015. 2017. <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?year=2015&dld=252933#wrapper> (accessed 09.09.2020)
13. Хохлова А.А. 2020. Существует ли «ближневосточный монархический авторитаризм» после «арабской весны»? *Азия и Африка сегодня*. № 9, с. 64-70. DOI:10.31857/S032150750010863-1
14. Khokhlova A.A. 2020. Middle Eastern monarchical authoritarianism. Is this concept relevant after Arab spring? *Asia and Africa today*. № 9, pp. 64-70. (In Russ.) doi:10.31857/S032150750010863-1
14. Factbox: Saudi Arabia detains princes, ministers in anti-corruption probe. *Reuters*, 04.11.2017. <https://reuters.com/article/us-saudi-arrests-names-factbox/factbox-saudi-arabia-detains-princes-ministers-in-anti-corruption-probe-idUSKBN1D5080?il=0> (accessed 14.12.2020).

⁷ Причины этой эскалации приведены выше в разделе об описании дестабилизационного пика 2017 года в арабских монархиях (прим. авт.).

15. Hayoun M. Morocco's political crisis threatens to boil over into the region at large. *Pacific Standard*. 26.07.2017. <https://psmag.com/social-justice/moroccos-political-crisis-threatens-to-boil-over-into-the-region-at-large> (accessed 12.11.2020)
16. Jordanians 'at breaking point' over austerity measures. *Aljazeera*. 21.02.2020. <https://www.aljazeera.com/features/2017/2/21/jordanians-at-breaking-point-over-austerity-measures> (accessed 14.12.2020)
17. Hellmeier S., Rød G.E., Weidmann N.B. 2019. Coding Instructions for the Mass Mobilization in Autocracies Database, version 2.0. Konstanz: University of Konstanz.
18. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. 2019. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. № 10, с. 2-9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2
Vasiliev A.M., Khairulin T.R., Korotayev A.V. 2019. New alliance in struggle for the leadership in Arab region. *Asia and Africa today*. No. 10, pp. 2-9. (In Russ.) DOI:10.31857/S032150750006519-2
19. Clark D., P. Regan. 2016. Mass Mobilization Protest Data. Cambridge: Harvard Dataverse. <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL> (accessed 14.12.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хохлова Алина Александровна, аспирантка, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Alina A. Khokhlova, Post-graduate student, Social Science Department, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.11.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.12.2022

Принята к публикации
(Accepted) 11.02.2022